

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ

Выпуск 47

**Тангутская и китайская
филология
К юбилею М. В. Софронова**

Москва
2024

УДК 811.581+811.584
ББК 81.71(Кит)
Т 18

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ

Выпуск 47

Редакционная коллегия

д-р филос. наук, проф. *А. И. Кобзев* (главный редактор),
канд. филос. наук *Н. В. Руденко* (ответственный секретарь),
канд. ист. наук *С. В. Дмитриев* (зам. главного редактора),
д-р *П. Ададек* (Piotr Adamek svd, Германия–Польша),
д-р *Г. Йегер* (Henrik Jäger, Германия), канд. ист. наук *М. В. Корольков*,
канд. филос. наук *Н. А. Орлова*, проф. *А. Роше* (Alain Rocher, Франция),
канд. ист. наук *Э. А. Синецкая*, канд. ист. наук *Е. С. Скрыпник*

Ответственный редактор *А. И. Кобзев*

Редактор-составитель *С. В. Дмитриев*

Рецензенты канд. ист. наук *Е. С. Скрыпник*, канд. ист. наук *Т. А. Сафин*

Рекомендовано

Учёным советом Института востоковедения РАН

Т 18 **Тангутская и китайская филология.** К юбилею М. В. Софронова /. — М.: Институт востоковедения РАН, 2024. — 524 с., ил. — (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 47 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.).

ISBN 978-5-907846-10-4

Сборник представляет собой собрание трудов российских, китайских, тайваньских, французских, английских, японских, американских и датских учёных, посвящённый юбилею патриарха российского тангутоведения и китаеведной исторической и социальной лингвистики, д.филол.н., проф. М. В. Софронова. Работы объединены тематикой исследований юбиляра – изучение тангутского языка и тангутской культуры, китайское языкознание, гималайские языки.

УДК 811.581+811.584

ББК 81.71(Кит)

ISBN 978-5-907846-10-4

© Редколлегия, 2024

© ФГБУН ИВ РАН, 2024

ВИНЬЕТКИ

«На сомалийском фронте» и другие виньетки с восточным акцентом^{*}

Александр Жолковский^{**}

С Михаилом Викторовичем Софроновым я встречался шесть десятков лет назад, в эпоху структуралистского штурм-ундранга советской лингвистики. Он тогда работал в Институте Точной Механики и Вычислительной Техники (далее ИТМ), в Отделе машинного перевода, возглавляемом моим учителем Вяч. Вс. Ивановым (далее — ВВ), и отвечал там за китайский перевод. А я, недавний выпускник филфака МГУ, работал в Лаборатории Машинного Перевода I МГПИИЯ им. Мориса Тореза (далее — ЛМП) под началом В. Ю. Розенцвейга и часто посещал семинары в ИТМ; сомалийским языком, в заочной аспирантуре Института Восточных Языков МГУ, я начал заниматься в 1962-м.

Порадовать юбиляра (для меня тогда «Мишу») я хочу полубабавными воспоминаниями о нашем отчасти общем, отчасти параллельном прошлом. В разное время эти мемуарные виньетки публиковались, но в единую «востоковедную» подборку не сводились. С любезного одобрения составителей фештшрифта, я помещаю их здесь, с некоторыми поправками, купюрами и необходимыми для ясности подстраничными примечаниями.

*Санта-Моника, Калифорния,
июль 2022 г.*

^{*} Рукопись получена 30.06.2022.

^{**} А. К. Жолковский (р. 1937) — лингвист, литературовед, прозаик; канд. филол. наук (МГУ), профессор кафедры Славянских языков и литератур Университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес; вебсайт <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/>

Alexander Zholkovsky (b. 1937), linguist, literary scholar, prosaist; PhD in Philology (Moscow State U.), Professor of Slavic Languages and Literatures, University of Southern California, Los Angeles; website <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/>

**Из книги «Эросипед и другие виньетки»
(М.: Водолей Publishers, 2003)**

ИТМ

Когда после окончания университета Феликс Д.¹, женившись, решил остаться в Москве и искал работу, я сказал ему, что в машинном переводе нужны люди, и предложил поговорить относительно места для него с ВВ <...> Феликс ухватился за эту идею.

— Ты скажи ему, что я согласен на самую черную работу. Я готов вообще стоять у самой машины, прямо лопатой там в нее подбрасывать.

Но вскоре Феликс освоился в ИТМ-е и принялся поливать его гноем. Гноеполивания не избежал и сам ВВ.

Его доклад, — говорил Феликс, — это такое торжественное богослужение, с выносом хоругвей и размахиванием паникадилами.

Надо сказать, что Феликс был первым, кто осмелился взглянуть на ВВ критическим оком, задолго до того, как разоблачение его культа стало популярной темой разговора среди структурных лингвистов. Впрочем, Феликс говорил, что «в вонючем Итеэме» утонченный ВВ не был окружен атмосферой священного ужаса и наглый халтурщик Е.², приходя на работу, спрашивал: «Шеф в лавке?»

Общая теория дешифровки

Летом 1959 года мне случилось присутствовать при передаче Ю. В. Кнорозовым новосибирскому кибернетику В. А. Устинову фотокопий текстов на языке майя. В дальнейшем последовала сенсационная «машинная расшифровка» этого языка Устиновым и его коллегами, недолгая шумная их слава, затем публичное разоблачение Кнорозовым и, наконец, забвение. Но тогда ни о чем этом нельзя было догадываться. Был медовый месяц кибернетики, и мой учитель, ВВ, осуществлял историческую стыковку великого филолога, уже прославившегося своими открытиями в области дешифровки письменности майя, с представителями грядущей электронной цивилизации...

¹ Ф. А. Дрейзин (1935–1989), лингвист.

² М. Б. Ефимов, японист.

В кабинете у ВВ были Кнорозов, Устинов и я, зашедший по другому делу и приглашенный остаться, чтобы стать свидетелем эпохального события.

Легким манием руки передвинув к Устинову толстую кипу фотографий с иероглифами майя, Кнорозов сказал:

— Собссно говоря, сама по себе эта филькина грамота меня мало интересует. Меня интересует, что ли, общая теория дешифровки. Если угодно, я бы, тек скезеть, сказал пару слов...

— Конечно, конечно, Юрий Валентинович, это очень интересно, — поддержал ВВ.

— Имеются, тек скезеть, знак и референт, что ли. Ну, тут возможны четыре случая, — он набросал излюбленную структуралистами табличку с плюсами и минусами. — Если знак известен и референт известен, то это случай обычной, тек скезеть, лингвистики. Если референт известен, а знак неизвестен, то здесь, тек скезеть, мы имеем дело со всекого рода, что ли, разработкой терминологии и искусственными языками. Этт как, не вызывает пока возражений?

— Нет, нет, очень интересно!..

— В таком случае я, с вашего разрешения, буду продолжать?

— Да, да, просим!..

— Тек вот, третий случай — этт когда знак известен, а референт неизвестен. Здесь я полагаю поместить дешифровку.

Определив место собственной дисциплины, он выдержал небольшую паузу. Слушатели затаили дыхание.

— Ну, а четвертый случай... тек скезеть, чего уж тут?

Глядя на два минуса, Кнорозов развел руками.

У нас в Бхилаи

Одно время в 60-е годы секретаршей у нас в Лаборатории работала Тамара Борковская. Она была хорошенькая, с большими зелеными, немного стеклянными глазами, молоденькая, но уже опытная, побывавшая за границей. Прямо из десятого класса она вышла замуж и уехала на строительство металлургического комбината в Индию. Поспешность со стороны мужа объяснялась тем, что для оформления в капстраны требовался семейный статус, ограждающий от эротических соблазнов, со стороны Тамары — думаю, неотразимостью всего пакета: тут и брак, и заграница,

и хорошо оплачиваемая работа (на строительстве она тоже была секретаршей).

При всем том, Тамара сохраняла почти детскую наивность. Охотно делясь своим заграничным опытом, она начинала рассказ словами:

— А вот у нас в Бхилаи...

Она с удовольствием и сознанием культурного превосходства рассказывала об индийцах. Как страстных младолексикографов нас восхищало отсутствие в ее словаре абстрактных слов, от которого описание туземных нравов даже выигрывало.

— Индийцы, они какие? Я приведу тебе такой пример. Вот он лежит на земле, у него ничего нет, кроме подстилки. Тут кто-нибудь бросит ему рупию, смотришь, он уже нанимает слугу, и тот идет за ним, несет его подстилку.

Действительно, какие? Нищие, ленивые, праздные, жалкие, пропитанные кастовостью — все сразу. Кому у кого учиться писать?

Зато муж Тамары, успевший до Индии что-то окончить и по возвращении работавший в главке, владел готовой лексикой в совершенстве. Звоня в Лабораторию, он представлялся с начальственной скромностью:

— Борковский беспокоит <...>

Убивает много

Когда в середине 50-х годов железный занавес слегка приоткрылся для контактов с иностранцами, советский человек стал (при всем своем скрытом, а то и явном расизме) смотреть на негра как на представителя западной цивилизации и был счастлив, если тот дарил ему шариковую ручку со стриптизом и даже без. Помню, как одна знакомая хвасталась, что рассчитывает достать дубленку у спекулянта, связанного со студентом-африканцем, который часто ездит в Европу и привозит дефицитные вещи. «Понятно, — сказал один из наших остряков. — Лиловый негр вам продает манто».

Занимаясь в 60-е годы языком сомали с сомалийскими студентами, я тоже как-то забывал, что передо мной, в сущности, бесписьменные недавние дикари, что у них кровная месть и что их национальный герой «Бешеный мулла» Ина Абдулла Хасан

перебил (в 1920-м году) больше своих соотечественников, отказывавшихся его поддерживать, чем англичан, против которых поднял восстание. Еще бы, ведь нейлоновую сорочку, которая легко стирается и быстро высыхает уже выглаженной (чудо бытовой химии 60-х годов), я впервые увидел у сомалийца Махмуда Дункаля. После урока (я был у него в общежитии МГУ) он собирался в город. Когда он снял ее в ванной с плечиков, на которых она сохла, и стал надевать, я только рот раскрыл.

Поэтому другое, тоже в своем роде первое, впечатление было не менее сильным. Наши занятия начались с того, что он объяснил мне, что его имя, Дункаль, значит «ядовитое дерево», а также «герой». Я сказал, что не вижу этимологической связи.

— Ну как же, — пояснил Дункаль, — «убивает много».

Надо сказать, что по линии сорочек мой первый учитель все не выделялся среди своих соотечественников. Настоящим франтом среди них был высокий, аристократичный, красивый Ахмед Абди Хаши по прозвищу Хашаре («насекомое» — так его прозвали еще в школе за крайнюю удобу), одевавшийся исключительно в Лондоне; перед моими глазами до сих пор стоит его тонкой вязки зеленый мохеровый пуловер. В дальнейшем я работал с ним на Радио, был в довольно приятельских отношениях, но никогда не мог отделаться от ощущения собственной неполноценности рядом с этим принцем.

Ахмед занимал высокое положение в организации сомалийских студентов, обучающихся в СССР, имел сведения об их жизни в других городах и часто рассказывал мне о ненависти, с которой приходилось сталкиваться африканцам. Конфликты происходили в основном на классической почве секса, ибо советские девушки по тем или иным причинам разделяли преклонение перед иностранцами вообще и неграми в частности.

Однажды Ахмед должен был поехать в Баку, чтобы от имени африканского землячества участвовать в расследовании убийства двух сомалийцев. Чтобы отвести от нашей страны обвинение в линчевании негров, посягнувших на белую женщину, я стал говорить что-то в том смысле, что кавказцы дикий народ, ходят с ножами и готовы зарезать кого угодно, не только негра.

— Что ты мне объясняешь, — сказал Ахмед, сверкая зубами, — я сам могу зарезать.

В дальнейшем, как мне говорили, Ахмед был одно время послом Сомали в ГДР, а затем занимал видное положение в сомалийском правительстве. Сравнительно недавно способность сомалийцев «резать» и иными способами «убивать много», увы, подтвердилась самым наглядным образом на глазах у всего мира, убедительно доказав, что они ничем не хуже немцев, эфиопов, хуту, тутси, кхмеров, сербов, албанцев, чеченцев, русских и других представителей цивилизованного человечества.

Кофе потом

Во время Международного симпозиума по Машинному переводу в Ереване (весна 1967 г.) одним из почетных иностранных гостей был Дэвид Хейз³. Он был, конечно, самой примечательной фигурой симпозиума — огромный, наверно, больше двух метров росту, в гигантских выпуклых очках и с голосом и манерой говорить, как у диктора Voice of America in special English. Феликс забавно передразнивал его смех.

Армяне ужасно ухаживали за ним и хвастались всем армянским — от специализированной машины для перевода «Гарни» до всяких армянских кушаний и обычаев. Как-то в перерыве между заседаниями в одной из комнат Вычислительного Центра во время перерыва сотрудницы угощали некоторых участников, в том числе Хейза, кофе. Был и Феликс, одно время живший в Ереване и работавший в ВЦ и теперь взявшийся переводить.

— А знаете, как делают настоящие армяне? — сказал кто-то из хозяев. — Армянин сначала затягивается сигаретой, затем выпивает чашечку кофе, а потом выпускает наружу дым!

— И только потом уже кофе, — закончил свой перевод Феликс.

Плохой студент

От Юры Щеглова⁴ часто можно было слышать жалобы на студента Г. Что Г. не старается, Г. слишком высокого о себе мнения, Г. не способен к лингвистике, Г. не интересуется языком хауса, одним словом, худшего студента, чем Г., трудно вообразить. В адрес Г. направлялось много горьких слов. Очередную ламентацию Юра начал так:

³ David Hays (1928–1995).

⁴ Ю. К. Щеглов (1937–2009), лингвист, африканист, литературовед.

— Например, когда я занимаюсь со студентом Г. ...

Я перебил его:

— Прости, а почему, если он такой плохой студент, ты с ним занимаешься индивидуально? Это что, какие-то дополнительные занятия для отстающих?

— Да нет, самые обычные занятия языком. Г. — единственный студент в группе хауса.

— А где же остальные? Я помню, что у тебя было много народу в группе...

Юра объясняет, что остальные студенты отсеялись за четыре года — одни по лени, другие по неспособности, третьи перевелись в другие группы или на другие факультеты. Но, собственно, и одного студента вполне достаточно, чтобы акт коммуникации состоялся: есть отправитель, есть получатель, а большего, по Соссюру, и не требуется.

— Позволь, но в таком случае Г. не самый худший, а самый лучший твой студент!

— И потом он неприятный. Он прекрасно понимает, что если бы он заболел или по другой причине не явился на занятия, то я был бы свободен и только благодарен ему за это, но он никогда этого не делает <...>

Чем хуже, тем лучше

В 1968 г. Юра Щеглов хотел поехать на Симпозиум по семиотике в Варшаву, но в Институте Восточных Языков, где он преподавал язык хауса, ему не дали характеристики, мотивируя это тем, что он мало внимания уделяет общественной работе. Это была стандартная формула, означавшая, что начальство не считает сотрудника «идеологически выдержанным», т. е. попросту, «своим»; характеристика же требовалась даже при поездке по частному приглашению. Поехать Юра, собственно, не очень и стремился, но отказ он воспринял как оскорбление, и на другой день я встретил его около кабинета ректора ИВЯ Ковалева со следующим заявлением, написанным зелеными чернилами, в руках:

Прошу освободить меня от работы в ИВЯ. Моя просьба вызвана намерением сосредоточиться в дальнейшем исключительно на общественной работе.

Текст я оценил, но все-таки убедил Юру облечь свой протест в более традиционные формы. В результате, с начальством был достигнут компромисс, и в следующий раз, через год или два, характеристику выдали <...>

Полки вел...

У Ильфа и Петрова есть фельетон «Рождение ангела» — на тему о коллективной доводке киносценария — с незабываемой фразой: «Полки вел Голенищев-Кутузов 2-й».

В 1970 году в журнале «Народы Азии и Африки» появилась моя статья со структурным анализом одного сомалийского текста. Этому предшествовало ее одобрение главным редактором И. С. Брагинским (наложившим ленинского типа резолюцию: «Дать, снабдив марксистской врезкой *От редакции*»») и последующее медленное продвижение в печать. (Структурализм был внове — мое появление в редакции встречалось драматическим шепотом: «Структуралист пришел!») Но вот, наконец, мой редактор Лёва К.⁵ сказал, что в определенный день, точнее, вечер, на редколлегии будет решаться вопрос о сдаче номера в типографию и мне желательно быть под рукой на случай, если возникнут вопросы.

В назначенный час я прохаживался по коридору редакции, время от времени подглядывая в щелку за происходившим в огромном кабинете главного. Самого Брагинского не было, и председательствовал его заместитель Г. Г. Котовский — сын легендарного комбрига⁶, как объяснил мне выглянувший в коридор Лева. Ждать пришлось долго — каждый материал обсуждался со всей подробностью. Впрочем, проблематичными, видимо, считались лишь две статьи, ибо, кроме меня и пожилого человека с усталым, чем-то знакомым, желтым, татароватым лицом, в коридоре никого не было.

Меня на ковер так и не пригласили, но о потраченном времени жалеть не пришлось. Во-первых, статья пошла в номер без дальнейших разговоров, а во-вторых, когда Лева вышел позвать в кабинет другого, явно более спорного автора, он почтительно назвал его Львом Николаевичем, и я сообразил, что это был очень

⁵ Л. Р. Концевич (р. 1930), востоковед, кореевед.

⁶ Г. И. Котовский (1881–1925), советский военачальник.

похожий на мать сын Ахматовой и Гумилева. Его лагерные мытарства остались к тому времени давно позади, а собственная репутация шовиниста-этногенетика только набирала силу, и он все еще ходил в диссидентах; публикация в «Народах Азии и Африки» была, по-видимому, нужна ему и отнюдь не гарантирована. Подстрекаемый любопытством, я проскользнул в дверь вслед за ним.

Полки вел Котовский 2-й. В противоположность брутальному бритоголовому гиганту, созданному усилиями Каплера, Файнцимера и Мордвинова (и его, вероятно, еще более жуткому прототипу), он оказался вальяжным, с пухлыми щечками и аккуратной прической, советским джентльменом, среднего роста, при галстуке и в замшевых туфлях. Ничто в его вкрадчивых манерах не наводило на мысль о конском топоте, сабельных атаках, тачанках, погромах, трупах. Мягкими, дипломатично закругленными фразами он заговорил об интереснейшей статье почтеннейшего Льва Николаевича. Я все ждал, когда же он совершит свой выпад, и — после изматывающих комплиментарных подступов — дождался.

— Чего мне, может быть, недостает в статье многоуважаемого Льва Николаевича, — все с той же воркующей ласковостью сказал он, — это четкого применения классовых, историко-материалистических критериев. Возможно, оно просто недостаточно бросается в глаза при первом чтении, и Льву Николаевичу, я думаю, самому представится желательным дать эти моменты более, так сказать, выпукло.

Гумилев заговорил со столь невозмутимым спокойствием, что я ему немедленно позавидовал. За его преувеличенной восточной любезностью стояла не только бескомпромиссная, ахматовской закалки твердость, но и вызывающая, пусть символическая, апелляция к насилию, в которой сказывался то ли киплингский налет, унаследованный с отцовскими генами, то ли собственный ээковский опыт.

— Благодарю вас, глубокоуважаемый Григорий Григорьевич, за незаслуженно лестное мнение о моем скромном опусе. И вы абсолютно правы насчет классового подхода, каковой в нем, действительно, не нашел применения. Дело в том, что меня интересуют исторические закономерности более общего порядка. Позволю себе совершенно отвлеченный пример. Если, скажем, взять

какого-нибудь человека, поднять его на самолете на высоту в несколько тысяч метров над каким-нибудь пустынным местом и сбросить оттуда вниз, то можно с более или менее полной достоверностью предсказать, что, ударившись о песок, он разобьется насмерть. И для того, чтобы прийти к этому научному выводу, вовсе не потребуется учет классовой принадлежности этого человека и социальных взаимоотношений между ним и владельцами самолета. Так что я не думаю, что мой текст нуждается в каких-либо добавлениях, разве что вы, Григорий Григорьевич, настаивали бы на включении в него этого небольшого мысленного эксперимента.

Котовский настаивать не стал. Это было неудивительно, ибо как раз незадолго перед тем в мировой и советской прессе появилось сообщение (которое никак не могло пройти незамеченным в среде востоковедов) о казни каких-то преступников в Саудовской Аравии методом сбрасывания с самолета, сообщение, политически крайне неудобное с официальной советской — подчеркнуто проарабской — точки зрения. Обсуждение статьи на этом закончилось, и она появилась в журнале без изменений.

Таков был исход уникального династического матч-реванша.

«Эпикировка»

Работа с сомалийским языком в рамках истеклишмента — на Радио, на киностудии «Экспортфильм» и в других местах — приводила к знакомству с образчиками не только африканской, но и советской экзотики.

Весной меня как единственного дипломированного сомаловеда иногда приглашали в МИД — принять экзамен по языку у их сотрудника. Сотрудником этим был унылый человек невзрачного вида с низким, как из бочки, голосом и безрадостной фамилией, назову его Бобылев. Экзамен требовался, чтобы подтвердить его право на двадцатипроцентную надбавку к зарплате за знание языка курируемой страны.

Язык он, несмотря на несколько лет работы в советском посольстве в Могадишо, знал из рук вон, и экзамен каждый раз сводился к тому, что я уточнял у него и у заведующего учебной частью генерала Абрамяна, какова самая низкая оценка, совместимая с надбавкой, и, неизменно получая ответ «три с минусом», неизменно ставил именно столько. Ашот Абрамович Абрамян, обла-

давший характерной для лиц его национальности широтой взглядов, понимающе улыбался. Неизбывной же грусти Бобылева тройка с минусом не усугубляла — никаких амбиций, кроме экономических, у него вроде бы не было.

Мотивы, толкнувшие этого человека на дипломатическое поприще, не составляли загадки, хотя на свежий взгляд могут показаться парадоксальными. Беднейшую страну самого забытого Богом континента Бобылев рассматривал как источник обогащения. Дело шло неплохо, пока он работал в посольстве, получая двойную зарплату, частично в валюте, и извлекая мелкие контрабандные выгоды из доступа к иностранным товарам. Но срок службы на передовой подошел к концу, и Бобылева перебросили в тыл, на Смоленскую площадь, где я однажды и застал его еще более удрученным, чем обычно.

Причиной моего прихода был на этот раз не экзамен, а перевод на сомали речей Председателя Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, направлявшегося в республику на экваторе с государственным визитом. Речи поступали с задержкой, я маялся, ворчал, и Бобылеву было поручено всячески занимать меня и водить в закрытый буфет. Там, за номенклатурной икрой и импортным пивом, Бобылев излил душу.

— Думаю податься на научную работу, вот, как вы, — с безысходной печалью в голосе сказал он.

Я полюбопытствовал, чем диктуется внезапная перекавалификация. Оказалось, что дело в потере выгод, связанных с пребыванием «в стране».

— Но, наверно, на большой земле это как-то компенсируется? — предположил я.

Оказалось, что компенсируется, но в случае Сомали очень и очень скромно.

— За что же такая дискриминация?

— Да не дискриминация, — горестно пояснил Бобылев, — а просто оплачивают из расчета эпкировки...

— Эпкировки?..

— Ну да. Если ты работал, скажем, в Норвегии, то здесь тебе выдают в размере меховой шубы, шапки, ну и прочего. А у нас какая эпкировка — пробковый шлем и шорты?..

Низкий жизненный уровень сомалийцев настиг-таки невезучего Бобылева, хотя и с неожиданной стороны. Не задалась, надо полагать, и его научная карьера, для которой он тоже был, на мой взгляд, оснащен недостаточно. Бедному жениться — ночь коротка.

P. S. Как бы не так. По последним сведениям, Бобылев перешел свой Рубикон — написал и защитил диссертацию, а со временем получил консульскую должность в Италии. Эпикировка: тога с пурпурной каймой, кресло из слоновой кости, двенадцать ликторов с фасциями.

Из России с любовью

Это было в начале 70-х годов, в эпоху застоя, в период его расцвета. Мой ученик (назову его кафкианским инициалом К.⁷), вдвоем с которым мы практически контролировали рынок переводов на язык сомали, сообщил мне, что наклеивается новый источник халтуры: Агентство Печати Новости открывает серию переводов классиков марксизма-ленинизма на ранее не охваченные восточные языки. Заведует этим делом некто Козлов, бывший резидент в Китае.

Я ответил, что идея хорошая, лишние деньги не помешают, но времени на дополнительную халтуру у меня нет. К. меня успокоил. От меня требовалось только сходить к Козлову, напустив важности, выговорить оптимальные условия и, по занятости, поручить переводческую роль К., так и быть, согласившись на редакторскую.

Козлов оказался невзрачным (подслеповатым? рыжеватым? лысоватым?) человеком, на которого с первого же взгляда естественно было свалить китайские промахи Кремля. Я взял уверенный тон. Одобрив планы приобщения сомалийцев к трудам Ленина и заверив Козлова в высоте квалификации К., я перешел к центральной теме — ставке за лист.

Козлов проявил знакомство с вопросом и выразил готовность платить двадцатипятипроцентную надбавку «за редкость» — категорию, под которую подходили все восточные, в том числе африканские, языки. Я, однако, метил выше.

Я указал на особый статус языка сомали, лишь недавно обретшего письменность. Ставя задачу перевода на него сочинений

⁷ Г. Л. Капчиц (р. 1939), сомаловед.

Ленина, следовало учитывать, что само слово «перевод» получает в этом случае качественно иной смысл. Если при работе с китайским, японским, хинди и т. п. дело сводится к переводу на языки, давно абсорбировавшие марксизм, то на сомали предстоит начинать с нуля. Речь идет не о переводе в готовые языковые формы, а о создании всей необходимой фразеологии. На переводчика — К. — ложится гигантская историческая ответственность: от него зависит, как на сомали будет впредь звучать голос Ленина.

Эту импровизацию в стиле О. Бендера я заключил требованием удвоить надбавку. Козлов выслушал меня с пониманием, но сослался на отсутствие соответствующих разнарядок. Так что, 25% — si, 50% — no, хотите берите, хотите нет. Мое красноречие разбилося о стену. Программа-максимум не сработала. Можно было, конечно, гордо удалиться, но мы утерлись и согласились на минимум.

...Передо мной лежат три красных книжечки на сомали, две ленинских и одна брежневская. Никаких других фамилий там не значится — ни Козлова, ни К., ни тем более моей. Не помню, и получил ли я что-либо за «редактуру». Боюсь, что да. Сохранилось вложенное в Брежнева уклончивое письмо на бланке АПН от 6 февраля 1974 г.:

тов. Жолковскому А. К.

Направляем Вам, как переводчику на язык сомали, брошюру Л. И. Брежнева «Наш курс — мир и социализм», выпущенную Издательством АПН.

П. Козлов,
Заведующий Редакцией изданий на восточных яз.

Козлова я больше не видел, но свою оценку его агентурных качеств пересмотрел. Не исключаю даже, что, развернув мои аргументы перед начальством, он добился-таки изменений в разнарядках, а разницу, как теперь выражаются, приватизировал.

Nowy S'wiat

Когда я начинал заниматься языком сомали (1963 г.), он был еще бесписьменным, и материалов на и о нем было немного. Скучную эту литературу я читал в Ленинке, а кое-что мне доставляли курсировавшие между Москвой, Могадишо и Лондоном сомалий-

ские студенты и сомалийцы-дикторы Московского радио, где я работал на полставки. По-русски не было совсем ничего, а среди выходившего на Западе выделялись работы Богумила Анджеевского⁸, профессора Факультета востоковедения и африканистики (School of Oriental and African Studies) Лондонского университета.

Как я постепенно узнавал, Анджеевский, поляк, в начале войны интернированный в СССР (кажется, в Узбекистане, ср. ташкентские стихи Ахматовой к Чапскому), присоединившийся к армии генерала Андерса и сражавшийся, но не погибший, под Монтекассино, после войны не вернулся в советизированную Польшу и обосновался в Англии. Оказалось, что помимо профессорствования в университете он сотрудничает на Би-Би-Си в качестве внештатного консультанта сомалийской редакции. Об этом мне поведали мои друзья-информанты с радио, которые, бывая в Лондоне, подрабатывали на Би-Би-Си и были с ним знакомы. Рассказывали они и ему обо мне — молодом советском энтузиасте сомаловедения. Я тщательно изучал его работы, но в переписку с ним не вступал, твердо постановив, что обращусь к нему не иначе как послав собственный научный опус.

Этот час пробил наконец в 1966 году, когда в сборнике «Языки Африки» появилась моя статья «Последовательности предглагольных частиц в языке сомали». Я немедленно отправил ее Анджеевскому, сопроводив почтительным письмом, в котором выражал надежду, что даже если о русском языке у него не лучшие воспоминания, то как-нибудь, между польским и сомали, он разберется в моем тексте, а главное, в венчавшей его таблице.

Результат превзошел ожидания. Меня не только прочли на сомаловедческом небе и не только одобрили в целом. На бланке с загадочной шапкой Senior Common Room мне написали, что графа 11-я моей таблицы представляет собой ценное добавление к тому, что мы (!) до сих пор знали о языке сомали. После этого между мной и Анджеевским установилась переписка; он стал присылать мне свои работы, а когда я защитил диссертацию по сомалийскому синтаксису и выпустил книгу, я послал ее ему.

Все это происходило заочно, через более или менее железный занавес — вплоть до 1976 г., когда я в последний раз при-

⁸ Bogumił Witalis Andrzejewski (1922–1994).

ехал в Польшу и, по наводке общего знакомого, польского арабиста и африканиста Анджея Заборского⁹, разыскал Анджеевского в Варшаве, где он был гостем университета.

Анджеевский оказался седеющим красавцем-джентльменом с усами. Он повел меня на ланч в дорогое кафе «Новый Свет» на одноименной улице — одной из главных, ведущей в Старе Място. Говорили о разном, в частности, о созревавшем у меня намерении эмигрировать. Я бредил Западом, он предупреждал меня о трудностях с работой. Он похвалил мою книгу о синтаксисе сомали, обнаружив хорошее с ней знакомство. Тогда, набравшись смелости, я спросил о том, о чем хотел спросить давно: как он относится к Приложению V, где дана отличная от его собственной трактовка частицы *wacha*. Он сказал, что в общем и целом принял мою трактовку.

— Я использую ее, — сказал он, — в преподавании сомалийской грамматики студентам из Сомали.

Тут я почувствовал, что на глаза у меня навертываются слезы и начинают течь по щекам. Было от чего. Не кто-нибудь, а сам Анджеевский, не где-нибудь, а в лондонской Школе, преподает сомали не кому-нибудь, а сомалийцам, и учит их не по своей книге, а по моей! И рассказывает мне об этом не где-нибудь, а в любимой мной Польше, в кафе на моей любимой улице с многозначительным названием.

Через три года, действительно держа путь в Новый Свет, я ненадолго оказался в Лондоне и повидался с Анджеевским. Так как у него было мало времени — они с женой спешили домой за город, встречу он назначил в привокзальном кафе. Ему вскоре предстоял уход в отставку (в Англии обязательный), и они с Шилой подумывали, не переселиться ли им тогда в Польшу, где на его скромную по английским масштабам пенсию можно будет чувствовать себя обеспеченными и без особых тревог «*start slowly sinking down to death*» («начать медленный спуск к смерти»), как с по-английски безупречной двойной аллитерацией, на *s* и на *d* (вполне, кстати, в духе аллитерационной сомалийской поэзии), мечтательно закончила Шила.

⁹ Andrzej Zaborski (1942–2014).

На пенсию он в дальнейшем вышел, однако ни в какую Польшу они, конечно, не переехали. Я переписывался с ним, но все меньше, так как сомали постепенно забросил. В лондонской Школе я как-то раз побывал уже после его смерти — в гостях у А. М. Пятигорского. Саша принял меня в той самой Senior Common Room, то есть попросту профессорской, название которой так интриговало меня тремя десятками лет раньше. А сейчас на пенсию вышел и Саша. Почему-то мне кажется, что, независимо от ее размеров, на покой в Россию он не поедет¹⁰.

Из истории вчерашнего дня¹¹

<...>

(7) Один из сомалийских студентов МГУ, Хассан Касем, отказывается заниматься с AZ¹². Этот низкорослый, со злыми глазами поклонник Ленина презрительно отменяет либеральные рассуждения AZ:

— Что ты можешь понимать? Ты — маленький интеллигент, — говорит он, не смущаясь ни своим ломаным языком, ни ростом и ученостью AZ.

(8) В 1964 году изучение сомали получает новый толчок: AZ поступает на Московское Радио — выпускающим редактором на полставки в сомалийскую секцию Редакции вещания на Африку. Сомалийские дикторы, специально приглашенные по контракту из Сомали, и студенты, подрабатывающие на почасовой оплате, записывают передачи на пленку, читая, ввиду бесписьменности языка, с английского или итальянского текста, поставляемого соответствующими редакциями. Выпускающий ведет запись, следя за точностью перевода по русскому оригиналу. Для изучения языка ничего лучше такой трилингвы нельзя и придумать <...>

(9) Сомалийский диктор Абди Хаджи Гобдон — такой же новичок на Радио, как AZ. Он из Могадисо, т. е. из бывшего

¹⁰ Не поехал: вот что пишет Википедия: А. М. Пятигорский (30 января 1929, Москва — 25 октября 2009, Лондон) — советский и британский философ и востоковед.

¹¹ Статья, посвященная культурологическому анализу советской ситуации на материале собственной профессиональной жизни, впервые в сб.: Семидесятые годы как предмет истории русской культуры / Сост. К. Ю. Рогов // Россия/Russia, 1998, 1 (9): 135–152.

¹² Т. е. со мной — А. Ж.

Итальянского Сомали. Там, где знание сомали подводит AZ, они разговаривают по-итальянски. Ориентируясь на предполагаемый социальный заказ, Абди пытается обращаться к AZ с коммунистическим «товарищ» (compagno Alek). Его простодушное невежество и незнакомство со штампами советской пропаганды служит идеальным стимулом для изучения языка благодаря тщательной и многократной совместной проработке каждого текста.

(10) В Сомали только недавно (1960) была провозглашена независимая республика. Абди с гордостью говорит о ее отличиях от других африканских государств. Во-первых, носители разных сомалийских диалектов хорошо понимают друг друга, причем на собственном языке, а не навязанном им колонизаторами. Во-вторых, разные ветви власти — администрация, армия, полиция — находятся в руках разных племенных групп, и потому насильственные перевороты исключены.

Наличие в сомалийском языке трех основных диалектных объединений известно AZ из книг. Однако его вопросы к информантам о вариантах произношения и других языковых различиях натываются на возмущенную реакцию: диалекты, племена, трибализм — это выдумки колонизаторов.

(Пройдет несколько лет, и в 1969 году тотальную власть захватит генерал Мохаммед Сиад Барре, опираясь на обученных в СССР военных. Он введет единую латинизированную письменность. Абди он сделает своим представителем по связям с печатью. Ахмед станет послом в ГДР. В дальнейшем Сиад начнет войну с Эфиопией, будет предан советскими покровителями и свергнут. В Сомали воцарятся голод и анархия.)

(11) Приглашенные на почасовых началах сомалийские студенты, получив зарплату, вдруг исчезают.

— В чем дело? — спрашивает AZ. — Им что, показалось мало?

— Наоборот, они думают, что этих денег им хватит до конца жизни. На следующей неделе, когда все потратят, вернуться, — разъясняет Г. Л. Капчиц, ученик AZ, теперь тоже работающий в редакции.

(12) Не все разделяют это благодушное отношение к сомалийцам. Один из редакторов, некий крестьянского вида Володя, не знающий языков и берущий у сомалийцев интервью по-

русски, забрасывая очередную кассету на антресоли над дверью, поясняет удивленному AZ:

— Там они у меня все, голубчики, как один, записаны. Захотят потом отпереться, а у меня, пожалуйста, пленочка. Твой голос или не твой?

(13) Подходит время сдачи кандидатского экзамена. Его организация возлагается научным руководителем (Н. В. Охотиной, специалисткой по суахили) на самого AZ. Экзамен должен состоять из письменного перевода незнакомого текста, разговора на языке с носителем и грамматического анализа текста. Однако ввиду бесписьменности языка письменный текст взять неоткуда, если не считать немногочисленных материалов в научной транскрипции, которые AZ знает чуть ли не наизусть, так что ни о каком незнакомом тексте не может быть и речи. Сомалиец-информант обещает прийти на экзамен, но не является. Единственное выполнимое условие — пункт относительно «без словаря», ибо сомалийского словаря в то время нет и в помине. Возглавляет комиссию прогрессивный, в свое время битый за формализм, профессор-русист П. С. Кузнецов — неизменный экзаменатор и оппонент по структурной лингвистике, африканистике и вообще всему «новому». А вскоре AZ поручают преподавание сомали как второго языка для студентов-амхаристов. На вступительной лекции AZ выражает надежду, что к концу двухгодичного курса кто-нибудь из собравшихся, вероятнее всего, он сам, научится говорить на сомали.

(14) Сомалийское вещание процветает. Встает вопрос о зачислении Капчица, превзошедшего своего учителя и действительно научившегося говорить по-сомалийски, в штат. AZ идет просить за него к заведующему «всей Африкой» С. С. Евсееву (сыну профессора, мотоциклисту, начальнику, работающему под интеллектуала) с аргументацией, основанной на уподоблении Московского Радио средневековым монастырям: официальные тексты в обоих случаях — полная ерунда, но спасение монахами античных классиков, а просвещенным радиокомитетским начальством специалистов по экзотическим языкам — неоценимый культурный подвиг. Капчиц, иногородний еврей, но зато член партии и уникальный специалист, получает работу и прописку.

(15) Сам AZ, овладев сомалийским языком в масштабе передач Московского Радио, со скромной должности редактора-выпускающего переходит на роль диктора-переводчика. Это крупное профессиональное и финансовое повышение. Переводчик на суахили, толстенный остряк Саша Довженко, сидящий за машинкой напротив AZ, приветствует его в его новой роли вопросом:

— Ну, как, профессор, уже вычислил, какая у тебя производительность труда?

— ???

Довженко театрально опускает палец на клавиатуру.

— ???

— У нас тут каждый знает, сколько стоит его удар по клавише. — Довженко называет точную цифру зарабатываемых им за печатный знак копеек.

(16) Дежурная по редакции просит AZ задержаться — ожидается важная новость. AZ томится. Наконец, из Главной редакции поступает долгожданная страничка: «В связи с предстоящим празднованием столетия со дня рождения Ленина, принято решение...»

— Какая же это новость, — комментирует AZ, — если что-то случилось сто лет назад?

(17) «Или вот так. — Довженко на минуту отрывается от машинки. — Вот так: "Дорогие друзья! Вы прослушали беседу с уборщицей Московского Автозавода имени Лихачева Замухрыгиной. Перевел... доктор филологических наук, профессор Московского Университета... Жолковский". А?»

(18) AZ, подталкиваемый старшими коллегами, в частности, Розенцвейгом, говорящим ему, что он «ослабляет свою [научную] партию», пишет, наконец, диссертацию (по синтаксису сомали), и на май 1968 года назначается защита. Одновременно AZ, возбужденный событиями «пражской весны» и заявлением Павла Литвинова по «Голосу Америки» о готовящемся процессе Гинзбурга и Галанскова, подписывает соответствующее письмо протеста. Институт, где работает AZ, отзывает назад свою характеристику — необходимый компонент всякой защиты, и та в последний момент, уже после рассылки автореферата, отменяется.

(19) На Радио по крайней мере некоторые из коллег осведомлены о диссидентстве AZ, то ли по московским слухам, то ли

из материалов так называемого «радиоперехвата» — распечаток передач зарубежных радиостанций для служебного пользования. В разговоре с AZ обозреватель Ю. Фонарев полуиронически упоминает о ставшем ему известным участии AZ в «акциях советской интеллигенции». Однако никакой официальной реакции со стороны радиокомитетского начальства не следует, а AZ на Радио своего подписанства не афиширует.

<...>

(27) После ряда перипетий защита диссертации назначается на конец апреля 1969 года, то есть за считанные дни до истечения срока действия разосланного годом ранее автореферата. На защиту — единственную в Москве кандидатскую защиту подписанта-гуманитария — приходит множество народа. Фразу об общественной работе ученый секретарь по собственной инициативе, подкрепленной своевременным вручением коробки конфет, решает не зачитывать. Видные оппоненты (А. Д. Зализняк, А. Б. Долгопольский) отмечают высокий научный уровень диссертации. С краткой речью выступает приведенный Капчицем сотрудник сомалийского посольства, приветствующий успех первой в СССР диссертации по языку его молодой республики. Тринадцатью голосами против четырех Ученый совет присуждает AZ искомую степень. ВАК утверждает это решение.

(28) Через два года выходит основанная на диссертации книга AZ, в качестве языковых примеров использующая тексты передач Московского Радио об американской агрессии во Вьетнаме и им подобные.

(29) С защитой диссертации, выходом книги и повышением в должности на основной работе AZ сокращает свое присутствие на Радио. Капчиц занимает его место диктора-переводчика, а выпускающим редактором становится высокая и энергичная аспирантка Зоя Степанова, член КПСС. Несмотря на слабое владение языком и дефекты артикуляционного аппарата, она в отсутствие начальства начинает и сама выступать в роли диктора. Как сообщает один из студентов-сомалийцев, у его отца, регулярно слушающего передачи всех иностранных станций на сомали, появление в эфире нового голоса вызывает вопрос: «Малышку-то зачем мучают?»

(30) Уйдя с Радио, AZ сохраняет за собой другую сомалийскую халтуру — дубляж документально-пропагандистских фильмов на киностудии «Экспортфильм». AZ, Капчиц и подобранные ими дикторы-сомалийцы сосредоточивают в своих руках перевод и дублирование всех фильмов на сомали. (Этот источник доходов AZ не оставит даже в 1978 году, когда, подав документы в ОВИР, уйдет с основной работы — из ЛМП.)

Монопольное положение дает интересные преимущества. Например, внезапно звонят со студии: в связи с правительственным визитом в Сомали необходимо быстро записать соответствующий фильм.

— В следующий вторник, — назначает AZ.

— Им нужно раньше.

— Раньше вторника не можем.

AZ едва успевает сговориться с Капчицем, как раздается звонок из ЦК. AZ неумолим:

— Я же сказал, что до вторника не могу.

— Тогда мы найдем кого-нибудь другого. Незаменяемых у нас нет!

Звонит Капчиц: с ним только что пытались назначить запись без AZ. Новый звонок из ЦК:

— А почему вы не можете раньше?

— А почему вы не позаботились прислать ваш материал и назначить запись заранее?

— Сейчас речь не об этом. Вы должны срочно выполнить ответственное задание.

— Вот во вторник и будет срочно, вне обычной очереди.

— А раньше никак нельзя?

— Никак. Я занят у себя на работе.

— Мы можем на это время освободить вас от работы.

— Спасибо, не надо. Я люблю свою работу. А вам советую лучше делать свою, пока вас самих не освободили. До вторника.

<...>

(33) AZ, проводящего рабочее время на даче, вдруг срочно вызывают на работу (в Институт «Информэлектро», куда он перешел после увольнения из ЛМП) — за ним даже присылают секретаршу. Приехав в город, он звонит своему заведующему

(Борису Румшискому), и тот объясняет, что AZ нужен не их начальству, а Министерству Иностранных Дел, откуда его стали искать через отдел кадров, а это уже чревато неприятностями.

— Понятно, — говорит AZ. — Поскольку я им явно нужен, скажите, что мне от них потребовать.

— Очень просто: пусть они позвонят в наш отдел кадров и извинятся — скажут, что они забыли, что вы уже с утра работаете у них в... другой башне.

Мидовцы действительно готовы на все — им нужен перевод на сомали речей Председателя Президиума Верховного Совета Подгорного для его предстоящего визита в Сомали, а Капчица нет в городе. Дело это плевое, AZ просит немедленно доставить ему тексты, он переведет их сегодня же (и еще успеет на дачу). Однако это невозможно: «Первый Отдел не завизирует вынос текстов из МИДа». AZ приходится на следующий день явиться в здание на Смоленской, томиться в ожидании заказанного пропуска, пройти через двойные милицейские посты (сначала Министерства Внешней Торговли, потом МИДа; на Радио пост один, зато документы проверяют дважды — при входе и при выходе) и, получив, наконец, тексты, ждать, пока из другого отдела доставят латинскую машинку (в отделе Сомали ее нет — язык-то бесписьменный). AZ мгновенно переводит речи, ничем не отличающиеся от ежедневных радиоматериалов, и заводит разговор об оплате и уходе. Однако оказывается, что это еще не все речи — последнюю вот-вот подвезут <...> Наконец, текст последней речи приходит, AZ тут же переводит его и снова заговаривает о расчете. Но не тут-то было: завтра из ЦК поступят окончательные исправления, и их надо будет на месте внести в перевод. «Так зачем же вы мне давали это сырье?» — возмущается AZ, но делать нечего. Поездка на дачу отодвигается еще на день.

Назавтра AZ вручают поправки, и через пять минут он приносит перевод.

— Уже? — недоумевает заведомом Восточной Африки.

— А чего долго чикаться? Большинство поправок либо грамматические, либо логические — я их сам внес еще вчера. Ну, а за такие тонкости, как различие между «дружеским отношением» и «дружественностью», я и не берусь. Так что прикажите получить.

В дальнейшем AZ смотрит в кино документальный фильм о визите Подгорного в Сомали и видит, как его перевод читает известный ему сотрудник советского посольства, посредственно владеющий языком. Когда позже AZ рассказывает всю эту историю Щеглову, тот замечает, что AZ зря ждал латинской машинки: лучше было бы написать перевод русскими буквами, тогда Подгорный смог бы прочесть перевод сам — ему-то какая разница, что читать?!

Семнадцать мгновений весны

Операция «отъезд» не была ускоренным марш-броском; она составляла в жизни будущего эмигранта целую переходную эпоху. Одной ногой он некоторое время продолжал двигаться по привычной советской колее, а другой уже нащупывал неведомую заграничную почву. Задолго до «подачи», он начинал примеривать ее к себе, включался в предотъездные маневры уезжающих друзей, попадал в полосу отчуждения. При этом, в подневольной совковой ипостаси он чувствовал себя гораздо свободнее, чем в сулившей избавление отъезжантской, сковывавшей его разнообразными советскими, западными и особыми эмиграционными правилами. Было много курьезов.

Известный лингвист Арон Борисович Долгопольский собрался в землю праотцев сравнительно рано, где-то в середине 70-х. Арон, или, как любовно называл его Мельчук, Арончик, был маленького роста, подвижной и жовиальный. Он носил сильные очки, нескладно вертел головой и картавил, но это не мешало ему быть полиглотом и одним из пионеров ностратики — гипотезы о родстве целых языковых семей. Свои огромные картотеки он, курсируя между Институтом языкознания и Ленинской библиотекой, таскал на себе и потому ходил обычно с двумя портфелями, а иногда еще и с рюкзаком. (Notebook'ов тогда не было в помине.)

И вот он подал документы, получил разрешение и отбыл на историческую прародину. К суматохе вокруг его сборов я причастен не был, но от Мельчука узнал, что все прошло в общем гладко, хотя некоторые вещи и материалы Арончику вывезти не удалось. Досылкой оставшегося, как всегда в таких случаях, занимались друзья и близкие и, конечно, Мельчук, сам уже наце-

лившийся на отъезд. А в какой-то момент и мне, до тех пор державшемуся от отъезжантства в стороне, довелось сыграть свою роль в этой международной акции.

Весь архив Арона был уже переправлен, кроме одной, так сказать, единицы хранения, с которой дело застопорилось, — никакие из задействованных каналов ее не принимали.

— Может, ты попробуешь, — сказал мне Мельчук. — Ты живешь в центре, к тебе заходят иностранцы...

— Приноси, — сказал я. — А что это такое? Что-то тяжелое?

— Таблица словарных соответствий между разными языками. Рулон большой, но практически ничего не весит.

— Так в чем проблема?

— Поймешь, когда увидишь.

В следующий раз Игорь принес заветный рулон и шикарно развернул его на полу, приперев по углам книгами. Огромный лист, метра два на три, был сверху донизу покрыт столбцами фонетических значков, взятых то в круглые, то в квадратные скобки и соединенных сложной паутиной стрелок, на которых, в свою очередь, были надписаны какие-то пояснения и уравнения. Как если бы этой подозрительной писанины было недостаточно, обратная сторона представляла собой политическую карту Советского Союза.

— Что он, с ума сошел — писать такое на карте?! — вырвалось у меня.

— Понимаешь, Арончик нигде не мог достать большого листа, а карт в магазинах навалом. К тому же, он начал эту таблицу, когда об отъездах ни слуху ни духу не было. Здесь годы работы.

— Да-да, и если вдуматься, ностратика и географическая карта буквально созданы друг для друга.

С этого дня каждому приходившему ко мне иностранцу я сначала читал небольшую лекцию о ностратике, заслугах Долгопольского и антиссионистских настроениях советских таможенников, а затем выносил аронов свиток. При виде шифрованной карты одни смущенно мялись, другие соглашались, но справедливо указывали на возможность конфискации. Я начал отчаиваться, когда на моем горизонте возник голландский профессор Ян Мейер (ныне покойный).

Мы не были знакомы, но как-то весной он позвонил, представился, похвалил одну из моих статей, был приглашен в гости и пришел, настояв на необычно раннем часе, что-то вроде пяти или шести вечера. Он оказался высоким, седым, краснолицым, очень симпатичным дядькой в черном костюме. Мы ели, пили, говорили о русской литературе (он преподавал в Утрехте, а жил, как я убедился, приехав через два года в Голландию, в Амстердаме), о только что вышедшей «Неоконченной пьесе для механического пианино» Никиты Михалкова (значит, год был 1976-й), об эмиграции, о том о сем. Среди прочего Мейер сказал, что приехал с правительственной делегацией, в качестве эксперта по России при возглавляющем ее министре, — воспользовался удобным случаем, чтобы повидать русских коллег за государственный счет.

Случай показался удобным и мне.

— Так вы, что же, V.I.P. (Very Important Person)?

— Да, очень важная персона — в ранге члена правительства.

— Таможенного досмотра не проходите?

— Не прохожу.

— А вот эту карту возьмете? — Курс ностратики я свел к минимуму.

— Возьму.

Подогретая застольем, а теперь и оваянная сквозняками международного шпионажа, наша внезапная дружба перешла в новую фазу. Но вскоре гость стал посматривать на часы и на дверь. Таня¹³ встревожилась, отказываясь отпустить его без второго и сладкого. Тогда он сознался, что зван еще в один научный дом, почему и пришел к нам так рано, — честно говоря, на обед не рассчитывая. К кому он шел после нас, он, однако, выдавать не хотел, говоря, что, как ему объяснили, в Москве все семиотики переругались, так что никому нельзя называть никаких имен. Он явно оправдывал свой статус новоиспеченного дипломата и еще более — новоявленного тайного курьера: молчал, как партизан на допросе. Впрочем, это давало и мне кое-какие шансы.

— Что же это получается? — сказал я. — На такое дело вместе идем, а вы мне в пустяках не доверяете.

¹³Моя вторая жена, Т. Д. Корельская, матлингвист(ка).

Мейер раскололся — он шел к Боре Успенскому, с которым я в ссоре как раз не был. Я позвонил Боре и сказал, что его гость у нас и задерживается. Мы еще долго выпивали за науку, за свободу слова и передвижения и за будущие встречи. Потом поймали ему такси, и с картой под мышкой он отправился на следующую явку.

Через какое-то время до нас дошла весть о прибытии заветного свитка в землю обетованную.

Таксист и синтаксист

За годы научных занятий языком сомали и работы с ним на Московском радио я в общем овладел его сложной грамматикой и приобрел довольно приличное произношение (по словам сомалийцев, я говорил с арабским акцентом — и то хлеб). Что касается словарного запаса, то он у меня ограничивался лексическим минимумом бытовой разговорной речи плюс те две сотни газетных клише, с которыми Московское радио обращалось к адресатам своей пропаганды. В эмиграции, выбрав из своего посоветски ренессансного репертуара карьеру «слависта», я стал постепенно забывать как лингвистику, так и сомали, особенно его словарь.

Одна из ежегодных славистических конференций проходила в Вашингтоне, и так случилось, что несколько человек с нашей кафедры возвращались в Лос-Анджелес одним и тем же рейсом. Мы решили взять одно такси, и поскольку занялся этим я, то я и сел на место рядом с водителем. Трое коллег расположились сзади, за стеклянной перегородкой, как в театре, точнее — как в немом кино.

Соседство с таксистом — мощный текстопорождающий топос. Таксисты многоопытны, философичны и разговорчивы; общение с ними четко обрамлено в пространстве и времени и спроецировано на фон меняющихся за окном декораций. Возникающие при этом дискурсивные сценарии часто непредсказуемы.

Один из лучших фильмов 90-х годов, «Ночь на земле» Джима Джармуша (Jim Jarmusch), построен как серия из пяти новелл о поездках на такси в разных столицах мира. Замечательные «Записки таксиста» были несколько лет назад опубликованы в «Звезде». Первое смутное осознание близящегося крушения советской

империи пришло ко мне где-то в конце 60-х годов, когда я удачно поймал такси, освобождавшееся прямо перед моим сквериком, а вместе с ним — реплику таксиста, обращенную вослед предыдущему пассажиру:

— Чего никто не хочет понять, это что в ближайшее время деньги будут платить только за непосредственные услуги. В стране есть ценные работники, но у правительства нет способов выловить их из общей массы, отличить от бездельников. Поэтому оплачиваться будут только прямые услуги.

Этот философ от баранки, носатый пожилой еврей, оказался инженером, окончившим несколько институтов, но сознательно переквалифицировавшимся в таксисты и частные водители. Он сказал, что зарабатывает таким способом большие деньги.

В разных хронотопах таксисты рекрутируются из разных групп населения: в Париже 20-х годов это были русские дворяне, в Нью-Йорке 70–80-х — бывшие советские евреи. В Вашингтоне 80-х годов, о котором идет речь, таксистами работали всевозможные выходцы из Африки.

Одного взгляда на нашего водителя мне было достаточно, чтобы узнать в нем сомалийца. Для проверки я тихим голосом произнес стандартное сомалийское приветствие (Ma nabad baa?). Он на это и бровью не повел, как будто ничего не было сказано. Я повторил те же слова громче; он понял, что я обращаюсь к нему, но явно недоумевал, с чем. Видимо, машина обработки языковой информации включается не раньше, чем человек осознает, что имеет место ситуация общения на известном ему языке. Лишь после моего третьего захода водитель, не знавший, чему верить — глазам или ушам, согласился наконец счесть меня за сказавшего что-то по-сомалийски и произнес ответную формулу (Waa nabad!).

Разговор постепенно завязался. Сразу же обнаружилось, что мне не хватает самых элементарных слов. (Эмигрировав, я вообще заметил, что, находясь в среде одного иностранного языка, очень трудно активизировать словарный запас другого, пусть даже не особенно забытого.) Однако закон Ципфа сыграл свою роль — новых слов требовалось все меньше, уже употребленные повторялись все чаще, и я все увереннее пускал их в грамматический оборот.

Одновременно я наблюдал за растущим недоумением собеседника, озадаченного разрывом между скудостью моего словаря и жонглерской ловкостью обращения с ним. На его глазах моя речь, начавшаяся в лексическом отношении почти с нуля, насыщаясь, как вампир, кровью его реплик, расправляла чем дальше, тем шире, свои грамматические крылья. Богатый потенциал сомалийского синтаксиса редко находит себе применение в устной речи, я же принялся выстраивать сложнейшие периоды из главных и придаточных предложений, личных и безличных конструкций, изъявительных, сослагательных и отрицательных (есть там и такие) форм, проецируя на сомали всю талмудо-греко-латинскую мощь европейской риторики и возводя целые готические соборы ажурных языковых структур, хотя и простейшей словесной кладки.

Пантомимический аспект диалога был, по-видимому, достаточно эффектен, ибо привлек внимание коллег. Они приоткрыли окошечко в перегородке и пытались понять, что происходит.

Увы, моим стрелчатым построениям суждено было остаться сугубо воздушными. Мой новый знакомец надавал мне телефонов своих соотечественников в Лос-Анджелесе, но я так и не собрался им позвонить, и мой сомалийский словарь улетучился почти с такой же скоростью, с какой внезапно соткался из эфира на пути в аэропорт. Разве что коллеги, ставшие свидетелями неожиданного перформанса, были на некоторое время *duly impressed*.

О редакторах¹⁴

<...>

...Год 1970-й, кто еще помнит, юбилейный. Готовится выйти книжкой моя диссертация — «Синтаксис сомали». В одном из разделов рассматривается предложное управление, в этом языке очень оригинальное. Примеры взяты из передач сомалийского отдела Московского Радио, где ради сбора языкового материала я работаю на полставки. Одну из конструкций иллюстрирует оборот «памятник Мао Цзэ-дуну», — явление, в то время в Китае и соответственно в мировой прессе актуальное, но в нашей печати

¹⁴ Статья о моем опыте взаимодействия с редакторами; впервые в журнале Знамя 1996, 2: 212–220.

неупоминабельное. Звонит издательский Младший — еврей-фронтвик, член партии, человек скорее симпатичный (а ныне покойный). Обращается ко мне по-начальственному на «ты».

— Ну, что ты там пишешь?..

— Что я пишу?

— Ну, что это у тебя там за памятник?

— А-а...

— Ну, замени ты его.

— У меня записи подлинные, с Радио.

— Ну, что ты, ей-богу?..

— Кого же вы хотите?

— Ай, ей-богу...

— Ну хорошо, пусть будет памятник Сталину.

— Ай...

— Тогда Гитлеру?

— Ну, перестань...

— Кого же вам надо — Ким Ир Сена? Иди Амина?

— Ай, ей-богу...

— Ну, ладно, пишите кого хотели.

— Кого я хотел?

— Вы знаете и я знаю...

— Ну, ладно...

Книга вышла. На странице 251 можно видеть разные сомалийские обороты на тему о памятнике — кому же еще? — Ленину. Но это, выражаясь по-современному, всего лишь мягкое порно. Да и Мао Цзэ-дуна не особенно жаль<...>

— В вашей статье надо заменить слово «педалирует», — говорит мне году в 1969-м молодой коллега, он же редактор в журнале «Народы Азии и Африки».

По идеологической линии статья, несмотря на отравленность «структурализмом», уже одобрена Главным (евреем, и потому членом не всесоюзной Академии Наук, а выражаясь по-современному, Академии Ближнего Зарубежья). Он начертал ленинского типа резолюцию: «Дать, снабдив марксистской врезкой *От редакции*»¹⁵.

¹⁵ См. выше виньетку «Полки вел...»

(А вот еще курьез из тех же времен и в том же роде. Киевский коллега¹⁶, занятый в качестве Младшего в некоей украинской Энциклопедии, просит меня написать о работах нашей группы машинного перевода, — дескать, мне и карты в руки. Пишу. Печатают, но приятель для смеха присылает автограф-резолюцию Главного, известного официального поэта¹⁷: «Треба вказати на небезпеку ідеалістичного потрактування природної мови».)

Но вернемся к педалированию.

— А что, это слово внесено в какой-то запретный список?

— Нет, просто вы его употребляете не в том смысле.

— Тогда приведите мне, пожалуйста, пример его правильного употребления.

— Ну, может быть, вы и правы, но я бы его не употреблял.

— Но вы его и не употребляете. Его употребляю я. Скажите, Лёва, вы как-то подспудно убеждены, что владеете русским языком лучше меня?

— Ну, вы просто не представляете себе, какую галиматью иногда приходится править?!..

В общем, слово «педалирует» удалось отстоять <...>

Из книги «Звезды и немного нервно. Мемуарные виньетки» (М.: Время, 2008)

Нам внятно все

Изгнанный из Московской консерватории за «космополитизм», папа¹⁸ профессорствовал в Институте Военных Дирижеров (1949–1954 гг.). Институт был в ведении Министерства Обороны (а не Высшего образования), и его волевой начальник, генерал Иван Васильевич Петров, воспользовался случаем украсить свой штат отборной группой лиц еврейской национальности. (В те же годы в нашей средней школе № 50 историю преподавал некий

¹⁶ М. И. Белецкий (Білецький, р. 1935–2018), математик, правозащитник.

¹⁷ Н. П. (Микола) Бажан (1904–1983).

¹⁸ Мой отчим Л. А. Мазель (1907–2000), музыковед.

Зиновий Михайлович¹⁹, по прозвищу, естественно, Зяма, — доктор наук, уволенный из Института Государства и Права и таким образом на собственном опыте испытавший взаимодействие этих юридических категорий.) Менее удачливые изгои были трудоустроены в провинциальных консерваториях, куда выезжали на преподавательские гастроли без отрыва от московской прописки. Но речь пойдет не столько об этих малой и средней диаспорах, сколько о встречной миграции монголов.

Монголия, утратившая со времен Чингисхана доминантное положение среди стран соцлагеря, не была, однако, освобождена от внесения в его коллективную боевую мощь своей скромной лепты, и ее вооруженные силы нуждались в музыкальном обеспечении. Посредничество между Западом и Востоком, волновавшее еще Киплинга и Блока, выпало на долю консерваторских беженцев. Взаимопонимание было затруднено культурными и языковыми барьерами, но наступало <...>

Читается лекция о Бетховене <...>

— В последние годы жизни Бетховен оглох, ушел в себя, был одинок...

Монгольская группа выслушивает эту печальную повесть в недоуменном молчании. Возможно, потеря слуха не кажется им экзистенциальной катастрофой.

— Он оглох, — повторяет профессор, — ушел в себя, у него осталось мало друзей, не было любящей женщины, он был очень одинок...

Все напряженно молчат, но вдруг лицо одного из слушателей озаряется улыбкой узнавания — он нащупал логическую цепочку, понятную любому кочевнику.

— Одинокий — одиногий — один нога! Один нога — никто любить не будет!!

В другой раз излагается сюжет «Кармен» и тоже падает, как в вату. Добросовестное внимание слушателей держится на исходной настороженной ноте, не только не получая финального разрешения, но, по-видимому, не вовлекаясь и в завязку. Драма любви, ревности и смерти почему-то не берет монголов за живое. Но вот наступает просветление:

— Товарищ профессор! Я понял!! Он был женщина!!!

¹⁹ З. М. Черниловский (1914–1995), историк права.

В монгольском языке категория рода отсутствует не только у глаголов, как, скажем, в английском, но и у личных местоимений; «он» и «она» — одно и то же слово. Поэтому интеллектуальный прорыв неизвестного номада не уступает будущим западным прозрениям в области гендера. (Сегодняшнего американского первокурсника не поставил бы в тупик и Кармен-мужчина. Впрочем, по линии эротического дальтонизма монгольские духовики оказываются в почетной компании Льва Толстого, вычеркнувшего из своего массового издания чеховской «Душечки» нежные прикосновения к героине мужчин, но не женщин.)

Темнота монгольских студентов была предметом шуток и на филфаке МГУ, где я учился несколькими годами позже. Но в начале 90-х, разговарившись в самолете с соседом — американским геологом, летевшим в командировку на Восток, я услышал, что в его опыте монголы своей динамичной организованностью дадут русским сто очков вперед, так что феномен Чингисхана не представляется ему загадочным. Загадочным остается феномен русской души и партийной диктатуры, неустанно занятой отбором кадров, но не застрахованной от, как говорится, отдельных срывов <...>

Allegro mafioso

В музыкальной жизни СССР и национальных республик главные профессиональные разборки происходили на пленумах соответствующих Союзов композиторов, где прослушивались и премировались произведения, написанные за год. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

На одном грузинском пленуме финалистами в ведущем жанре симфонии оказались два композитора — Г. Канчели и его тогдашний соперник, фамилии которого не помню, хотя рассказавшие мне это тбилисские друзья, конечно, ее называли. Что делать — история пишется победителями.

Симфонии были вроде бы равноценные, шли ноздря в ноздю, но у Канчели имелось тайное оружие. Оркестром дирижировал его приятель, согласившийся незаметно ему подыграть. Как? Исполнить симфонию соперника чуть медленнее.

Этого оказалось достаточно. В музыкальном поединке, как и в любом другом, все решают секунды.

Памяти Пригова

<...> Как-то я писал статью об аграмматических стихах Шершеневича в сопоставлении с занимавшим его китайским синтаксисом и эпиграфом хотел взять незабываемо проинтонированные Приговым на одном из его перформансов слова «Э-то ки-тайско-е!», но нигде не мог найти текста, на который сослаться. Тем временем, оказавшись в Москве, я решил сделать доклад об этой работе в Институте русского языка. Первым, кого я увидел, приехав на доклад, оказался Дмитрий Александрович (у которого были дела с М. И. Шапиром, увы, тоже уже покойным). Я немедленно спросил его, где опубликовано «Китайское», и в ответ получил законное разъяснение, что оно не опубликовано и не может быть опубликовано в виде текста, ибо представляет собой оральный акт. Тогда я попросил Д. А. задержаться до начала доклада и, когда я объявлю эпиграф, встать и исполнить его, что он и проделал ко всеобщему и собственному удовольствию <...>

Нет, я не Пушкин, я — другой

С Сашей Чудаковым я был знаком целых полвека, с первого курса филфака МГУ. Наши личные и профессиональные отношения — долгая история, есть что вспомнить, но здесь я коснусь только его дневников 2005 года, опубликованных после его трагической смерти <...>

[Татьяна Толстая р]ассказала, как Алик Жолковский, ухаживая за Ольгой Матич, был вызван ее тогдашним любовником-негром на мордобой. В волненьи [так в тексте — *А. Ж.*], негр сказал что-то на сомали. Автор книги «Синтаксис сомали» на этом же языке ему ответил. Пораженный негр вместо драки кинулся обниматься».

Эпизод, что и говорить, аппетитный (а для меня лестный, так что опровергать и деконструировать будет жалко).

Ну, во-первых, отменный name dropping — сразу трое художественно известных персонажей; во-вторых, экзотический, немного аксеновский, антураж — легко угадывающаяся Америка плюс африканские страсти; в-третьих, любовный треугольник с ожидаемым мордобоем; в-четвертых, научно-филологический план — владение языками, составление грамматик, знакомство с литера-

турой; и, last but not least, в-пятых, драматическая развязка с эффектным хэппи-эндом. И притом чистейшая правда, со ссылкой на источники (см. «во-первых»).

Вроде бы, по частям все так. Сомали я изучал, книгу о нем написал, за Ольгой ухаживал, негр был, конфликт без драки имел место, и обо всем этом мы с Ольгой могли рассказать Татьяне. Но в целом — откровенный лубок, да еще с густым романтическим налетом: «В волненьи... Пораженный... кинулся обниматься», этакий «Выстрел». (Пушкин здесь поминается не всуе: на мысль о нем наводит и бескровная дуэль, и африканский колорит²⁰, и самый прием нанизывания на мифогенную фигуру — мою! — невероятных анекдотов.)

Ну да, конечно, мне виднее — я-то точно знаю, что никаких объятий, а тем более речей на сомали не было. А ему откуда знать? Ему рассказывают, он записывает. Можно, конечно, переспросить — Татьяну, меня (мы всегда оставались *on speaking terms*), наконец, Ольгу. Но для этого в сознание должны закрасться какие-то сомнения относительно головокружительного сюжета, предполагающего что первый попавшийся американский негр, пусть даже любовник несравненной Ольги Матич, почему-то оказывается носителем редкого африканского языка, как раз известного его сопернику. Сомнения, которых естественно ожидать от специалиста по Чехову при столкновении с изделием типа «Мороз крепчал»²¹. Особенно, если оно слетает с уст такой мастерицы сюжетного коллажа, как Татьяна Толстая (вспомним ее рассказ о Пушкине, недоубитом на дуэли и в дальнейшем палкой вразумляющим юного Володю Ульянова). Но Чудаков настолько поглощен звездностью исторического момента, что думать некогда — надо не расплескав, донести его до дневника.

²⁰ Как говорил мне один настоящий носитель сомали, диктор Московского Радио Мохаммед Хаджи Осман Джир: «Ты ведь знаешь, что Пушкин был сомалиец?»

²¹ Напоминаю: «... о том, как молодая, красивая графиня устраивала у себя в деревне школы, больницы, библиотеки и как она полюбила странствующего художника [...] о том, чего никогда не бывает в жизни» («Ионыч»).

Из подборки «“Серенада” и другие виньетки» (Звезда, 2021, 2: 8–20)

На сомалийском фронте

Как-то давным-давно, на заре моей американской жизни, коллега-славист, пригласивший меня выступить с лекцией, начал представление гостя так: «Professor Zholkovsky has had quite a checkered career...», то есть охарактеризовал мою карьеру как *довольно пеструю*. В подтверждение своих слов, которые я, при всей сомнительности комплимента, не мог не оценить, он перечислил совершенно, на его взгляд, профессионально неуместные скачки от машинного перевода к лексическим функциям, к сомалийскому синтаксису, к порождающей поэтике и к занятиям то Ларошфуко, то Пушкиным, то Пастернаком. Сегодня он, наверное, добавил бы к этому мои экскурсии в несолидарное чтение Ахматовой, антологизирование инфинитивной поэзии и упражнения в области изящной словесности — как фикшн, так и нон-фикшн. Убей меня бог, не помню, кто это был. Иногда во мне шевелится туманное воспоминание-подозрение, что чуть ли не Дональд Рейфилд, чьей биографией Чехова я так восхищаюсь, — и потому не могу не снять шляпу перед его наброском моей.

Карьера, действительно, пестрая, никуда не денешься, и, наверное, самым колоритным пятном на ней был мой сомалийский квест. Кое-что я об этом уже вспоминал, постараюсь не очень повторяться.

С самого начала, выбирая, каким бы экзотическим, максимально эдаким, языком мне заняться в аспирантуре, я подумывал и о перспективе оказаться в соответствующих далеких широтах. Так что международные, чтобы не сказать империалистические (*И дальних колоний хинин...*), параметры этой языковедческой эскапады вовсе не исключались. Как я потом писал, неожиданно открывшиеся аспирантуры по азиатским и африканским языкам были частью хрущевского неокOLONИализма.

Забегая вперед, скажу, что не все мои геополитические замыслы осуществились. Подобно Дрожжину, аксеновскому специалисту по Халигалии, я так никогда и не побывал на научно облюбованных территориях. Зато, например, воинственный образ

сомалийца проник в передовые российские СМИ именно с моей легкой руки — ну, и со щедрой подачи Льва Рубинштейна²², рестиражировавшего пуанту моей виньетки о сомалийце, имя которого, Дункаль, значит одновременно «ядовитое дерево» и «герой» (см. выше).

Да, таковы сомалийские мужчины. Есть даже пословица «Арабы — это женщины с разумом, а сомалийцы — это мужчины без разума». Сомалийские женщины — совсем другое дело, и о двух тамошних прелестницах, двух Фатумах, у меня есть виньетка, «Черный список», в согласии со своим заглавием пока что таящаяся в моих посмертных закромах, а здесь упоминаемая лишь бегло, поскольку речь у нас пойдет на сугубо мужские темы.

Мужские — и даже с джеймсбондовско-штирлицевским неким оттенком, поскольку в аспирантуру по сомали я поступил на африканское отделение Института Восточных Языков МГУ, готовившего главным образом специалистов для посольской и иной агентурной работы, а ради языковой практики устроился редактором (и позднее диктором) в африканскую редакцию Московского Радио и почти полтора десятка лет являлся одним из голосов советской пропаганды на языке сомали. Основными дикторами были наемные носители языка. У меня, естественно, был акцент, но, как выяснилось, не русский, а арабский, хотя арабского языка я не знаю. Во всяком случае таковым он казался нашим слушателям, — возможно, ввиду его «немужественности».

Содержание передач было неукоснительно советское, густо антиамериканское, с особым упором на войну во Вьетнаме. Сурово идеологическим было и единственное начальственное указание, полученное от заведомо Восточной Африки (с имперской фамилией Романов) при взятии меня на должность редактора-выпускающего: «Ты, главное, следи за отрицательными частицами, а то нам всем несдобровать». Мысленно любуясь актуальностью недавно освоенных мной тонкостей сомалийской грамматики, я успокоил его, сообщив о наличии в ней особого отрицательного спряжения.

Работой на Радио моя геополитическая экспансия не ограничивалась: она распространялась еще и на экспортный дубляж советских документальных фильмов с преимущественно военной

²² См. «Дункаль» (<https://grani-ru-org.appspot.com/Politics/Russia/m.134182.html>).

тематикой (помню, как я гордился, переведя название авиадесантной короткометражки «С неба — на землю — в бой» аналогичной триадой, в которой все три ключевые слова начинались — в духе аллитераций сомалийской поэзии — на один и тот же согласный). Не осталась вне зоны моего влияния и (как мы видели, см. выше) дипломатическая сфера: в МИДе я регулярно принимал квалификационный экзамен по языку у сотрудника, ведавшего там сомалийскими делами, и я же заранее перевел на сомали речи отправлявшегося с дружественным визитом в республику на экваторе Председателя Верховного Совета СССР Николая Подгорного.

Это, так сказать, на уровне большой политики. А в малом, глубоко человеческом плане, я однажды поспособствовал укреплению сомалийско-литовских связей. Один из моих сомалийских приятелей на Радио попросил предоставить ему место (как тогда говорили, «хату») для свиданий с имевшей прибыть на несколько дней в Москву знакомой из Вильнюса. Я отдал Ахмеду <...> ключи от московской квартиры и провел эти дни и ночи у своей тогдашней подруги. Вернувшись к себе, я нашел на письменном столе подарочный альбом Чюрлениса — явное свидетельство успеха дипломатической миссии, а в почтовом ящике — записку из домоуправления с требованием объяснить участковому милиционеру факт пребывания на моей жилплощади заведомо непрописанных лиц. Времена были вегетарианские, и я без труда убедил участкового в высшей целесообразности моих международных контактов.

К дипломатическим рычагам я прибег и при защите кандидатской диссертации о синтаксисе сомали, каковая состоялась практически чудом — несмотря на мой статус диссидента-подписанта. Среди прочего, помогло (как я уже писал выше) присутствие на ученом совете представителя сомалийского посольства, о чем позаботился мой ученик-сомаловед Георгий Капчиц. Ранга сотрудник был не самого высокого, но театральный эффект, произведенный арией африканского гостя о ценности первой в СССР диссертации о языке его молодой республики, был оглушительным и сыграл свою позитивную роль.

Но главным моим вкладом в баланс мировых политических сил явились, конечно, тексты, на которых строилось описание сомалийского синтаксиса в моей диссертации, вскоре вышедшей

в виде книги (1971). Заимствованные из передач Московского Радио, они были посвящены почти исключительно разоблачению американской агрессии во Вьетнаме. Про себя я наслаждался извращенной эстетикой этого идейного конформизма *pes plus ultra*. Соцарта у нас тогда еще не знали девы, и я не подозревал, что, по сути дела, моя книга была одной из его первых ласточек.

А через какое-то время я эмигрировал (1979), чтобы сосредоточиться, как я всегда мечтал, на литературоведении, и от занятий сомали совершенно отошел. Лишь случайно встречаясь с сомалийцами в Штатах, я иной раз пытался тряхнуть стариной и поговорить «на языке» — с переменным успехом.

В общем, я полагал эту страницу моей биографии давно перевернутой, когда вдруг, совсем недавно, разведка донесла, что дело обстоит не совсем так.

В отличие от меня, Капчиц продолжал интенсивно заниматься сомаловедением, публиковать сомалийские тексты и работы о них, защитил диссертацию по сомалийской филологии и даже переиздал в России мой «Синтаксис сомали» с собственным пояснительным послесловием. И вот, по ходу своих занятий, из письма одного сибирского коллеги он узнал, что...

Здесь я сделаю интригующую паузу и предоставлю слово Капчицу, написавшему о поразительном для нас обоих сюрпризе уже дважды — по-английски²³ и по-русски²⁴:

В июне [2020-го] года я обнаружил на своем почтовом сервере письмо из Ачинска <...> — от <...> Василия Клименко <...> В свое время [он] сообщил о себе следующее: «По образованию я историк и юрист. Еще студентом увлекся историей преподавания и изучения африканских языков <...> Интересуюсь языком сомали. Изучаю также малагасийский язык».

Письмо Клименко содержало два вопроса: «Кто инициировал перевод “Синтаксиса сомали” <...> на английский язык?» и «Понравился ли Вам перевод?»

Я всегда хотел, чтобы эта книга была переведена на какой-нибудь европейский язык и не сомневался в том, что стал бы первым, кого А. Жолковский известил бы, если бы это, наконец, произошло.

²³См. [Somali Syntax in USSR, RF and USA](https://digitalcommons.macalester.edu/bildhaan/vol20/iss1/13/) // «Bildhaan. An International Journal of Somali Studies», vol. 20 [2020] (<https://digitalcommons.macalester.edu/bildhaan/vol20/iss1/13/>).

²⁴См. «Синтаксис сомали» в СССР, РФ и США // «Восток (Oriens)», 2021. № 1. С. 199–205 (<https://vostokoriens.jes.su/s086919080013589-4-1/>).

Поэтому его реакция <...> («Ничего не знаю. Кем переведен? Где? Когда?») не удивила меня. Однако следующий e-mail из Ачинска («Кликните [https://archive.org/details/ DTIC_ADA091302](https://archive.org/details/DTIC_ADA091302)») расставил часть точек над i.

Увидев свою книгу на английском, А. Жолковский был поначалу разочарован: «Мерзко издано <...> прав у меня никто не просил. Но вывешу на сайте».

На обложке книги <...> бросались в глаза имя и фамилия переводчика, Emery W. Tetrault [1930–2006] и название конторы, MRM, Inc., по заказу которой он <...> эту работу выполнил <...>

Агентство Национальной Безопасности [NSA], в котором сделал карьеру г-н Tetrault, является подразделением Министерства обороны США и входит в состав Разведывательного сообщества на правах независимого разведывательного органа.

Уяснив, что «Синтаксис сомали» переведен для NSA, А. Жолковский сказал: «Wow!»

Перевод книги был завершен в 1979 году, а начат, скорее всего, годом ранее. Именно тогда Сомали потерпело поражение в войне с Эфиопией за Огаден — населенную сомалийцами восточную часть этой страны. В этом конфликте СССР поддержал Эфиопию, что привело к резкому охлаждению советско-сомалийских отношений. Вероятно, это обострило интерес американских спецслужб к Сомали и послужило толчком к изучению их сотрудниками языка этой страны.

Остается оценить выбор специалистами Агентства Национальной Безопасности лучшего <...> пособия по изучению синтаксиса языка сомали.

MRM, Inc. позиционируют себя <...> как компания, предоставляющая <...> услуги по управлению рисками. О ее связях с Агентством Национальной Безопасности нам ничего неизвестно.

Согласно розыскам В. Клименко, вывешенный [онлайн] перевод «Синтаксиса сомали» <...> на бумаге не печатался. В <...> каталоге Библиотеки Конгресса США его нет.

Ничего не скажешь, — wow, да и только! Или, скорее, — oops?! Я переселился в Штаты в самом начале 1980-го и четыре десятка лет не догадывался, что мои геополитические щупальцы уже обвили и это полушарие!

Что делать? Требовать выплаты авторского гонорара с набравшими за это время процентами? Включать задним числом в CV и требовать повышения по службе? Впрочем, кажется, особыми успехами в Сомали мое новое отечество похвастаться не может, — не знаю, уж не по моей ли, теперь выходит что, вине...

Ладно, буду тихо радоваться своей многолетней засекреченной востребованности в недрах едва ли не самой мощной из мировых разведслужб и тому, что прогрессивная англоязычная общественность может теперь воочию убедиться в моем давнем отпоре злодеяниям американских империалистов во Вьетнаме и моих не менее давних симпатиях к выходцам с Черного континента.

51 7/1 (5)

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
Emery W. Tetrault

AD A091302

SOMALI SYNTAX

Contract: DDC 904-79-C-0479
MRM Inc., Hyattsville, MD.

(12/352)

A. K. ZHOLKOVSKIJ
(TRANSLATION - EMERY W. TETRAULT)

MRM, INC.
(11/1979)

DTIC ELECTE
OCT 30 1980

DDC FILE COPY

NAUKA
MOSCOW - 1971

V. 712013

This document has been approved for public release under the provisions of the Executive Order of 12958, dated 5/8/76.

80 6 9 12e